

Мелисса Левисенко

Мой дом - это
ты

Мелисса Левисенко

Мой дом - это ты

«Автор»

2026

Левисенко М.

Мой дом - это ты / М. Левисенко — «Автор», 2026

В интернате, где чувства приходится прятать в укромных углах, вспыхивает история любви Алисы и Егора — нежная, упрямая, вопреки правилам. Их связь становится поводом для сплетен, а подлость недоброжелателей грозит навсегда разлучить пару: Егора выгоняют из интерната, а Алиса, едва став совершеннолетней, сама находит путь к любимому. Пройдя через недоверие, холод чужих взглядов и первые трудности совместной жизни, они учатся быть опорой друг другу. А спустя год, в Париже, под светом Эйфелевой башни, Егор делает Алисе предложение

© Левисенко М., 2026

© Автор, 2026

Мелисса Левисенко

Мой дом - это ты

Мой дом — это ты

В интернате, где чувства приходится прятать в укромных углах, вспыхивает история любви Алисы и Егора — нежная, упрямая, вопреки правилам. Их связь становится поводом для сплетен, а подлость недоброжелателей грозит навсегда разлучить пару: Егора выгоняют из интерната, а Алиса, едва став совершеннолетней, сама находит путь к любимому. Пройдя через недоверие, холод чужих взглядов и первые трудности совместной жизни, они учатся быть опорой друг другу. А спустя год, в Париже, под светом Эйфелевой башни, Егор делает Алисе предложение

— Слышала? — Маша понизила голос почти до шёпота и нервно поправила прядь волос, будто боялась, что кто-то подслушает. — Говорят, у нас будут новые смотрящие.

— Да? — Алиса замерла, её пальцы на мгновение впились в край книги, а взгляд метнулся к приоткрытой двери.

— Угу! Мне Глеб сказал — он как раз стоял у лестницы и слышал, как Ана Сергеевна и Светлана Константиновна шептались в углу коридора.

Говорили о том, что они красивые!

— И что теперь? — Алиса горько усмехнулась, отводя взгляд. — Мы для них дети, да обузы...

— Я надеюсь, что они будут добрыми, и понимающими! — Маша сжала в руках потрепанную тетрадь, словно ища в ней опору.

— Ха, надейся — Алиса фыркнула, но в её смехе не было веселья. — По-любому будут занозой в заднице.

— Ты как всегда, в своём духе! — Маша слабо улыбнулась, пытаясь сгладить резкость слов подруги.

Маша резко развернулась, её губы дрогнули и тут же плотно сжались, а щёки вспыхнули от обиды; она, не глядя по сторонам, пошла прочь из библиотеки, чуть не задев плечом книжную полку. Алиса всё так же сидела за письменным столом, рассеянно водя пальцем по строчкам, — казалось, она не замечала ни напряжённого шёпота, ни хлопнувшей двери, полностью поглощённая одной из своих любимых книг.

На следующий день в интернате царил непривычный суев. Ещё с утра у ворот затормозил небольшой микроавтобус, и из него, оглядываясь по сторонам, вышли трое парней — Матвей, Егор и Саша. Они выглядели немного растерянными, будто не до конца верили, что теперь их жизнь будет связана с этим местом.

Едва они переступили порог, как навстречу им шагнул Анатолий Борисович — директор интерната. Он улыбался широко и искренне, но в его взгляде читалась та самая твёрдость, которая говорила: здесь всё под контролем.

— Добро пожаловать! — бодро произнёс он, протягивая руку сначала Саше, потом Матвею и Егору. — Я Анатолий Борисович. Рад видеть вас в нашем доме. Знаю, поначалу всё кажется чужим, но скоро вы почувствуете, что стали частью нашей большой семьи.

Он повёл их по коридорам, рассказывая про каждый уголок: вот учебные классы, где дети занимаются по утрам; вот уютная столовая, где всегда пахнет свежей выпечкой; вот комната отдыха — тут ребята собираются вечерами, чтобы поиграть в настольные игры или просто поболтать.

Затем Анатолий Борисович познакомил новичков с персоналом. — Это Анна Сергеевна, — он кивнул на строгую, но добрую женщину в очках, — она отвечает за расписание и следит, чтобы никто не пропускал занятия. А это Светлана Константиновна — она знает про каждого

ребёнка всё: кто чем дышит, у кого какой характер, кому сегодня просто нужно, чтобы его выслушали.

Новички кивали, запоминая имена, и понемногу начинали чувствовать себя увереннее под тёплым, но требовательным взглядом директора. Когда они вышли во двор, солнце уже стояло высоко, заливая светом просторный сад и игровую площадку. Здесь всё было продумано: качели, турники, песочница для малышей, а чуть в стороне — небольшая беседка, где старшие ребята любили собираться после уроков.

— Вот здесь дети проводят большую часть свободного времени, — пояснил Анатолий Борисович, обводя рукой территорию. — Кто-то бегает и кричит, кто-то тихо сидит в тени и читает, а кто-то спорит о чём-то важном. И все они — наши. Каждый со своим характером, со своей историей.

И тут он немного посерьёзней, но не утратил доброжелательности.

— Теперь расскажу про ребят, с которыми вам предстоит работать. У нас есть дети, которые быстро находят общий язык со взрослыми, стараются не доставлять хлопот. Это Алёна, Лена, Маша, Дима, Стас, Даня. С ними, как правило, всё гладко — они понимают правила и стараются их соблюдать.

Он сделал небольшую паузу, словно подбирая слова, и продолжил:

— Но есть и те, к кому нужен особый подход. Артём, Кирилл, Серёжа, Алиса, Карина, Соня... У каждого из них свои причины быть такими, какие они есть. Взять, к примеру, Алису. Она у нас крайне своеобразная, к ней очень сложно найти подход. Это не просто ребёнок — это крайне взрослый и резкий человек. Она будто всё время держит оборону, и пробить эту броню можно только терпением и искренностью. Но если она однажды поверит — будет самым верным союзником.

Матвей, Егор и Саша слушали внимательно, не перебивая. В их глазах уже не было прежней растерянности — только сосредоточенность и готовность учиться понимать этих непростых детей.

Закончив экскурсию, Анатолий Борисович подвёл их к лестнице, разделявшей этажи по возрастам.

— Теперь распределим вас по классам. Саша, ты пойдёшь в класс В — это этаж для детей от 6 до 10 лет. Там нужна особая чуткость: малыши быстро устают, им важно чувствовать себя в безопасности. Матвей,

тебе — класс Б, ребята от 11 до 14 лет. Это возраст, когда всё кажется либо чёрным, либо белым, и любая несправедливость воспринимается как катастрофа. А Егор, ты будешь работать в классе А — с подростками от 15 до 18 лет. Именно там учатся те самые «непослушные» и «послушные», о которых я говорил. Им уже почти взрослые, но внутри всё ещё дети, которым страшно признаться, что им нужна поддержка.

Анатолий Борисович посмотрел на каждого из них по очереди, и в его голосе прозвучала та самая серьёзность, которая не терпела легкомыслия: — Помните: здесь нет «трудных» детей. Есть дети, которым труднее, чем остальным. Ваша задача — не ломать их, а помогать им становиться сильнее.

С этими словами он улыбнулся, будто снимая напряжение, и хлопнул Матвея по плечу:

— Ну что, готовы к первому дню?

И трое новеньких, переглянувшись, дружно кивнули.

После распределения по классам Егор поднялся на этаж старших ребят и сразу почувствовал на себе десятки взглядов — любопытных, настороженных, а где-то и откровенно дерзких. Но он старался не подавать вида, что волнуется, и шёл рядом с Анатолием Борисовичем спокойно, будто так и надо.

А Алёна, едва заметив, как Егор проходит мимо комнаты отдыха, вдруг решительно шагнула вперёд. Она всегда была из тех, кто не ждёт, пока всё устроится само, а помогает этому случиться.

— Привет! — она чуть улыбнулась, стараясь звучать непринуждённо, хотя внутри всё трепетало. — Ты теперь у нас будешь... ну, присматривать за нами, да? Если что, я могу показать, где тут что. Тут коридоры такие запутанные, что даже мы иногда ходим кругами. Егор улыбнулся в ответ — тепло, без напряжения.

— Спасибо, Алёна. Честно, я был бы очень благодарен. Пока всё кажется одинаковым: двери, стены, лестницы... Боюсь, к вечеру буду сам себя искать.

Алёна рассмеялась — легко, искренне, и этот смех будто стёр невидимую преграду между ними.

— Тогда пойдём! Покажу тебе самое главное: где прячут печенье, когда его официально «нет», и где лучше не появляться в пять минут до отбоя — иначе тебя затянут в какой-нибудь спор на три часа.

Они неспешно пошли по коридору, потом свернули к выходу во двор, и в итоге оказались у той самой беседки, залитой послеполуденным солнцем. Там Алёна села на лавку, а Егор прислонился к столбику, слушая её рассказы про интернатские «секреты»: кто с кем дружит, кто вечно спорит, кто тихо читает в углу и не любит, когда его отвлекают.

Алиса, Артём и Соня как раз шли по дорожке чуть поодаль, когда заметили эту парочку у беседки. Алиса на секунду замедлила шаг, её взгляд скользнул по Егору и Алёне — по их расслабленным позам, по тому, как Алёна оживлённо жестикулировала, а Егор кивал, будто ловил каждое её слово.

Алиса едва заметно приподняла бровь. Артём это заметил и чуть наклонил голову, будто спрашивая: «Что?» Соня тоже замерла, ожидая знака. И Алисе хватило одного короткого взгляда, перелетевшего от одного к другому, — и все трое поняли друг друга без слов. В этом молчаливом обмене было что-то вроде: «Ну-ка, посмотрим, насколько он тут свой».

Улыбка у Алисы вышла не злая, но острая, как лезвие.

— Ладно, — шепнула она, и голос её звучал почти буднично. — У нас есть дела.

Ближе к вечеру, когда сумерки уже начали стелиться по коридорам, а в комнатах загорался тёплый свет, Егор вместе с Алёной заходил в одну из общих комнат — там лежали какие-то папки, которые нужно было разобрать. Алёна шла впереди, показывая дорогу, Егор — чуть позади, оглядываясь по сторонам, всё ещё запоминая, где что находится. И в тот самый момент, когда он переступал порог, сверху что-то шевельнулось, а потом с глухим стуком обрушилось ему на голову. Ведро, полное воды, опрокинулось, окатив его с головы до плеч. Мокрая рубашка прилипла к телу, капли стекали по лицу, а в ушах ещё стоял короткий грохот металла.

На секунду в коридоре повисла тишина. Алёна замерла, распахнув глаза, и только потом выдохнула:

— Егор! Ты как?!

Но не успел он ничего ответить, как из-за угла донёсся звонкий, нарочно громкий смех. Знакомый смех.

— Ты засняла это?! — крикнул кто-то, и шаги тут же застучали по полу, быстро удаляясь.

Ещё мгновение — и из-за поворота мелькнули три фигуры: Алиса, Артём и Соня. Они бежали, смеясь, оборачиваясь друг на друга, будто это была самая весёлая игра на свете. Соня на ходу трясла телефоном, явно довольная, что успела поймать момент.

Егор стоял, мокрый, растерянный, но не злой — скорее ошеломлённый. Он провёл рукой по лицу, стирая воду, и медленно выдохнул. Алёна уже тянула его за рукав, торопливо бормоча:

— Пойдём, надо переодеться! Тут в шкафу есть запасные вещи... Не стой так, ты же замёрзнешь!

Он кивнул, но прежде чем уйти, на секунду задержал взгляд на том углу, за которым скрылись трое. Не с обидой, не с гневом — скорее с каким-то упрямым спокойствием.

«Так вот как у вас тут встречаются», — подумал он. И уголки его губ чуть дрогнули, будто он боролся с желанием улыбнуться вопреки всему. — Всё нормально, Алёна, — тихо сказал он. — Правда. Просто... неожиданный душ.

Она посмотрела на него с тревогой, будто боялась, что он сейчас развернётся и уйдёт, скажет, что это слишком. Но Егор только вздохнул, слегка встряхнулся, как пёс после купания, и добавил:

— Но давай всё-таки найдём сухую футболку. А потом... потом я хочу поговорить с теми, кто это устроил. Не чтобы ругаться. А чтобы понять: чего они от меня ждут.

Алёна кивнула, уже не так напряжённо, и повела его по коридору, туда, где можно было спрятаться от чужих взглядов и прийти в себя.

Егор переоделся в сухую футболку, которую Алёна быстро отыскала в шкафу в подсобке, и, вытерев волосы полотенцем, твёрдо сказал:

— Спасибо, Алёна. А теперь мне нужно кое-что прояснить.

Алёна хотела возразить, удержать его, сказать, что лучше не лезть сейчас к этим троим — они только распалются. Но Егор посмотрел на неё спокойно, без суеты, и она поняла: он не собирается устраивать скандал.

Он просто хочет расставить точки над «и».

Он нашёл Алису, Артёма и Соню в комнате отдыха. Они сидели полукругом, будто ничего не случилось: Артём лениво листал какой-то журнал, Соня что-то быстро печатала в телефоне, а Алиса, скрестив руки на груди, смотрела прямо перед собой с таким видом, будто весь мир был ей слегка неинтересен.

Егор остановился в дверях, не входя внутрь, и голос его прозвучал ровно, без крика:

— Я хочу поговорить о том, что произошло.

Артём поднял глаза, сделал вид, что удивлён.

— О чём? — протянул он, нарочно растягивая слова. — Мы тут сидим, никого не трогаем.

Соня хихикнула, но тут же прикрыла рот ладонью, будто это вышло случайно.

Алиса даже не шевельнулась. Только чуть приподняла уголок губ — этакая едкая полуулыбка.

— Тебе показалось, — сказала она холодно, глядя на него чуть сверху вниз, хотя они были почти одного роста. — Или ты теперь будешь подозревать каждого, кто просто мимо прошёл?

Егор не отвёл взгляда.

— Ведро упало прямо на меня, Алиса. Это не ветер. Она пожала плечами, будто речь шла о чём-то совершенно незначительном.

— Значит, плохо закрепили. Это к завхозу вопросы, а не к нам. Мы тут при чём?

Артём фыркнул, поддержал её тоном, в котором сквозило презрение: — Да ты, наверное, сам за верёвку зацепился. Тут везде эти провода, трубы... Неуклюжесть — это не преступление.

Соня снова захихикала, но уже тише, будто сама не до конца верила в эту игру.

Егор помолчал секунду, давая словам осесть. Потом шагнул чуть вперёд, но не угрожающе — просто чтобы они поняли: он не уйдёт, пока не скажет то, что должен.

— Мне не нужны оправдания, — произнёс он спокойно. — Мне нужно, чтобы вы перестали делать вид, что ничего не было. Если вы это устроили — скажите. Если нет — я извинюсь. Но эта игра в «ничего не знаем» только делает всё хуже.

Алиса наконец подалась вперёд, и в её глазах вспыхнул тот самый острый огонь, который пугал многих взрослых, но Егора почему-то не пробирал. — А если мы скажем, что это не

мы? — процедила она, и каждое слово звучало как маленькая заноза. — Ты что, будешь нас обыскивать? Допрашивать? Станешь таким же, как все остальные: «дети должны слушаться», «дети не должны спорить»?

Егор чуть наклонил голову, будто прислушивался не к словам, а к тому, что стояло за ними.

— Нет, — ответил он тихо, но твёрдо. — Обыскивать не буду. И давить не буду. Но я не стану притворяться, что не вижу очевидного. Если вы хотите, чтобы я вас уважал, начните с того, чтобы не врать мне в лицо.

На этот раз хихиканье Сони оборвалось на полузвук. Артём нахмурился, будто впервые увидел в Егоре не просто очередного взрослого, а кого-то, кто не собирается сдаваться.

Алиса прищурилась, её голос стал ещё холоднее, почти ледяным: — Уважал? Ты нас знаешь один день. Ты ничего про нас не знаешь. И не надо тут строить из себя понимающего. Все они сначала такие: «я вас слышу», «я с вами», а потом — раз, и всё по старым рельсам.

Егор не стал спорить. Он просто стоял и смотрел на неё, не отводя глаз, и в этом взгляде не было ни укора, ни раздражения — только спокойная уверенность.

— Ты права, — сказал он наконец. — Я вас не знаю. И я не собираюсь притворяться, будто знаю. Но если ты хочешь, чтобы я узнал — не закрывайся. Не прячься за этой колючей стеной.

В комнате повисла тишина. Даже Артём перестал листать журнал. Соня опустила телефон и смотрела то на Егора, то на Алису, будто боялась пропустить что-то важное.

Алиса хотела сказать что-то резкое, привычное, что сразу вернёт всё на свои места — она в броне, он снаружи. Но слова будто застряли где-то в горле. Вместо этого она резко встала, так что стул чуть не опрокинулся, и бросила через плечо:

— Нам нечего тебе доказывать. И нечего у тебя просить.

С этими словами она вышла, не оглядываясь. Артём и Соня переглянулись, потом, не сговариваясь, поднялись и пошли за ней. В коридоре их шаги звучали громко и вызывающе, будто они хотели, чтобы Егор точно их услышал.

Когда дверь за ними закрылась, Егор остался стоять посреди комнаты. Алёна, которая всё это время держалась чуть в стороне, подошла ближе и тихо спросила:

— Ты как?

Он медленно выдохнул, провёл рукой по влажным после «душа» волосам и чуть усмехнулся:

— Знаешь, я начинаю понимать, что имел в виду Анатолий Борисович. Это действительно не про «послушных» и «непослушных». Это про то, что им страшно показать, что им вообще что-то нужно.

Алёна посмотрела на него с удивлением, будто услышала что-то непривычное от взрослого.

— И что ты теперь будешь делать?

Егор пожал плечами, но в его глазах уже мелькнуло что-то упрямое, спокойное.

— То же, что и раньше. Буду здесь. Буду рядом. И рано или поздно они поймут, что я не исчезну только потому, что они пытаются меня оттолкнуть. И, бросив короткий взгляд на дверь, за которой скрылись трое, он тихо добавил:

— А ведро... ведро мы найдём. И того, кто его повесил, — тоже. Не для наказания. А чтобы они наконец перестали прятаться.

Пару дней Егор старался держаться ровно: не давить, не читать нотаций, просто быть рядом. Он помогал разбирать старые коробки в кладовке, сидел на краю скамейки, когда ребята собирались во дворе, слушал, если кто-то вдруг срывался на короткий рассказ о чём-то своём. С Алёной они теперь почти всегда шли вместе по коридору, и она потихоньку пока-

зывала ему все негласные правила интерната — те, что нигде не записаны, но без которых тут не выжить.

Но спокойствие Егора было не мягким, а собранным, будто он всё время держал в голове одну мысль: «Я вижу. И я не забуду».

В тот день он вышел из здания вместе с парой ребят из старших — просто подышать, перекинуться парой слов, пока не начался тихий час. Солнце светило ярко, но земля после дождя ещё не просохла, и двор местами был в тёмных пятнах сырой глины.

Егор шагнул на дорожку — и вдруг нога поехала. Он зацепился за тонкую, почти незаметную проволоку, натянутую чуть выше уровня земли, и, не успев схватиться ни за что, рухнул вперёд, прямо лицом в густую, липкую грязь.

На секунду мир сжался до ощущения холодной, тяжёлой жижи, прилипающей к коже, до резкого запаха сырой земли и до тишины, которая повисла сразу после глухого удара коленями и ладонями о землю. А потом из окна первого этажа грянул смех. Громкий, звонкий, узнаваемый.

Егор медленно приподнялся, стёр с лица грязь тыльной стороной ладони и поднял голову. В окне стояла Алиса. Она улыбалась той самой острой, дерзкой улыбкой, в одной руке держала камеру, а другой небрежно помахала ему — так, будто это была самая весёлая шутка на свете. Потом она быстро, почти одним движением, скользнула вглубь комнаты и исчезла из виду.

Внутри у Егора что-то щёлкнуло. Не ярость, не крик — но та самая твёрдость, которая приходит, когда терпение перестаёт быть уступкой и становится выбором.

Он не побежал, не закричал, не стал стучать в дверь. Вместо этого он спокойно поднялся, отряхнул ладони, хотя грязь всё равно оставалась под ногтями, и пошёл к входу. Шаги его стали тяжелее, но не торопливее. Алису он нашёл в коридоре, будто она специально не стала прятаться далеко — стояла у шкафчиков, листала какой-то потрёпанный журнал, делая вид, что вообще не имеет никакого отношения к тому, что только что произошло.

— Это была ты, — сказал Егор. Голос его звучал ровно, но в нём теперь не было прежней мягкости. В нём появилась тяжесть, как у человека, который устал объяснять очевидное. — Проволока. Окно. Камера. Всё сходится. Алиса подняла глаза, будто только сейчас его заметила. На лице у неё мелькнуло что-то вроде удивления, но тут же сменилось привычной маской высокомерия.

— Ты о чём? — протянула она, лениво закидывая журнал на полку. — Я вообще не понимаю, что ты несёшь.

— Не надо, Алиса, — голос Егора стал чуть жёстче, но он не повышал тона.

— Не делай вид, что ты тут ни при чём. Я видел тебя в окне. Ты смеялась.

Ты держала камеру.

Она пожала плечами, будто ей было всё равно.

— Ну, стояла. Ну, смеялась. А что? Ты сам споткнулся. Может, тебе ботинки велики. Или глаза не туда смотрят.

Егор сделал шаг ближе, но остановился, не вторгаясь в её личное пространство.

— Хватит, — произнёс он спокойно, но так, что это слово прозвучало как граница. — Хватит делать из меня дурака. Если ты хотела проверить, сломаюсь я или нет, — вот он я. Не сломался. Но я не позволю тебе и дальше ставить мне подножки — ни буквально, ни фигурально.

Алиса прищурилась, будто пыталась разглядеть в нём что-то новое, то, чего раньше не замечала.

— А если я скажу, что это не я? — бросила она с вызовом. — Что тогда?

Будешь доказывать? Устраивать допрос?

— Нет, — отрезал Егор. — Доказывать не буду. Но и делать вид, что ничего не было, — тоже. Если это ты, то хотя бы имей смелость не прятаться за «я не я, и лошадь не моя». Если нет — скажи прямо, без этих игр.

В коридоре стало тихо. Даже шаги в дальнем конце этажа как будто стали тише, будто весь интернат на секунду замер, прислушиваясь.

Артём и Соня, которые стояли чуть поодаль, переглянулись, но не подошли ближе. Они будто чувствовали, что сейчас между Алисой и Егором решается что-то важное, и это не их битва.

Алиса открыла рот, чтобы снова выдать какую-то колкость, но вдруг осеклась. Её пальцы нервно дёрнулись, будто хотели снова скреститься на груди, закрыться, как щитом. Но она не сделала этого.

— Да какая тебе разница? — сказала она уже не так уверенно, голос чуть дрогнул, но она тут же попыталась это скрыть, добавив грубости. — Ну, посмеялась. Ну, сняла. Что теперь, плакать будешь?

Егор посмотрел на неё долго, не отводя взгляда.

— Я не буду плакать, — тихо, но твёрдо ответил он. — И наказывать тебя не буду. Но запомни: я вижу, когда ты прячешься за этой дерзостью. И я не собираюсь играть в твои игры. Если хочешь, чтобы я тебя слышал, — перестань сначала делать так, чтобы я о тебя спотыкался. С этими словами он развернулся и пошёл прочь, оставляя за собой на полу грязные следы. Но в этих следах не было слабости — только упрямое, спокойное присутствие человека, который не собирается уходить.

Алёна, стоявшая у поворота, молча протянула ему чистое полотенце, когда он поравнялся с ней. Егор взял его, коротко кивнул и, вытирая грязь с лица, тихо произнёс:

— Спасибо.

И в этот момент в глубине коридора мелькнула тень — Алиса всё ещё стояла у шкафчиков. Но теперь она не улыбалась. Она просто смотрела ему вслед, будто впервые видела его не как очередного взрослого, а как кого-то, кто не собирается сдаваться. В комнате Алисы было тесно, но уютно — по крайней мере, так казалось тем, кто сюда допускался. На подоконнике громоздились стопки книг, на стуле висела толстовка с капюшоном, а на стене над кроватью кто-то когда-то наклеил карту мира, и теперь она местами отклеилась, будто сама хотела сбежать. Алиса сидела на кровати, скрестив ноги, Артём развалился прямо на полу, прислонившись спиной к шкафу, Соня устроилась на единственном стуле, а Серёжа мерил комнату шагами, будто ему никак не удавалось унять внутреннее беспокойство.

Разговор крутился вокруг одного и того же: вокруг Егора.

— Ну вот смотри, — Соня хихикнула, поддразнивая, и толкнула Алису плечом. — Алёна опять с ним по коридору шла. И знаешь, что самое смешное? Она сегодня даже причёску поменяла. Ну, чуть-чуть. Как будто это кто-то заметит.

Алиса прищурилась, будто обдумывала не просто шутку, а целую стратегию.

— Ага, — протянула она с нарочитой задумчивостью. — Расчесалась. Надо же. Раньше ей было всё равно, а теперь вдруг «хочу выглядеть нормально».

Соня захихикала громче, прикрывая рот ладонью, но глаза у неё горели не злобой, а азартом — ей просто нравилось быть частью этой маленькой банды, где можно было отпустить колкости и чувствовать себя остроумной.

— Ой, ты сегодня расчесалась? — передразнила она, изображая преувеличенную вежливость. — М-м... Ты сегодня красивее, чем обычно.

Надо же, чудо какое.

Артём хмыкнул, и в этом звуке было что-то одобрительное.

— Да она за ним бегаёт, — заявил он уверенно, будто это был неоспоримый факт, который все давно знали, просто не произносили вслух. — То одно ему подскажет, то другое. То дверь придержит. То «а давай я тебе покажу». Как хвостик.

Серёжа остановился у окна, посмотрел во двор, где как раз мелькнула фигура Егора, и криво усмехнулся.

— Если она за ним бегаёт, значит, ему это нравится, — буркнул он. — А если ему нравится, значит, он такой же, как все. Думает, что тут можно кого-то использовать, чтобы было проще.

Алиса покачала головой, но в её взгляде не было настоящей злости — скорее усталость от того, что всё повторяется.

— Он не такой, как все, — неожиданно тихо сказала она, и все на секунду притихли, потому что от Алисы редко можно было услышать что-то без колючек. — Он не кричит. Не давит. Но это не значит, что он лучше. Просто у него другой способ... казаться хорошим.

Соня наклонилась вперёд, будто хотела подобраться ближе к самой сути. — И что ты предлагаешь? — спросила она. — Просто сидеть и смотреть, как Алёна перед ним расстилается, а он делает вид, что ничего не замечает? Алиса медленно улыбнулась — не доброй улыбкой, а той самой, острой, от которой у кого-то другого по спине пробежал бы холодок.

— А зачем просто сидеть? — сказала она спокойно. — Пусть он увидит, что тут не все готовы играть по его правилам. Пусть поймёт, что если он тут останется, то придётся считаться не только с Алёной. Артём тут же оживился, будто только и ждал команды.

— Я могу... ну, не знаю... — он почесал затылок, а потом его лицо озарилось идеей. — В учительской сегодня кто-то оставил ключи от подсобки. Я видел. Могу их переложить. Пусть потом ищет. Или... или можно в шкаф к нему что-нибудь подбросить.

Серёжа кивнул, подхватывая мысль:

— А я могу в коридоре стул поставить. Не прямо на проходе, а так... чуть сбоку. Чтобы он не сразу заметил. Споткнётся — и поймёт, что тут надо смотреть под ноги.

Соня хихикнула, уже представляя эту картину.

— А мы с Алисой будем рядом, — добавила она, подмигнув. — И если Алёна прибежит его спасать, мы ей скажем: «Ой, ты сегодня такая заботливая. Наверное, это любовь».

Алиса не рассмеялась. Она просто смотрела на них, будто взвешивала каждое слово. Потом медленно кивнула.

— Ладно, — сказала она тихо, но твёрдо. — Делаем. Но без глупостей. Никаких травм. Просто... пусть почувствует, что он тут не единственный, кто всё контролирует.

И они разошлись по своим делам, каждый с маленьким планом в голове, будто это была не пакость, а какой-то странный способ проверить, из чего сделан этот новый взрослый.

На следующий день всё пошло по намеченному.

Артём незаметно переложил ключи от подсобки в ящик стола в учительской — туда, где их точно не стали бы искать сразу. Серёжа поставил стул чуть косо в узком коридоре между столовой и лестницей: не так, чтобы это бросалось в глаза, но достаточно, чтобы тот, кто идёт быстро и не смотрит под ноги, обязательно задел его.

А Алиса и Соня ждали в стороне, будто просто болтали о чём-то своём. Когда Егор прошёл мимо, они синхронно повернули головы, и Соня нарочно громко сказала:

— Ой, Алёна сегодня расчесалась! Смотри-ка. Наверное, знала, что он мимо пойдёт.

Алёна, которая шла чуть позади Егора, вспыхнула до корней волос, но не остановилась, не стала ничего доказывать. Только сжала кулаки и пошла быстрее, будто хотела убежать не от слов, а от самого стыда.

Егор замер на секунду, потом медленно повернулся к девочкам. В его взгляде уже не было прежней терпеливой мягкости — в нём появилась та самая спокойная твёрдость, которая пугала больше крика.

— Хватит, — сказал он ровно. — Это не смешно. И не остроумно. Это просто обидно. Для неё. И для меня тоже.

Соня тут же спрятала улыбку, будто её поймали за руку, а Алиса чуть приподняла бровь, будто проверяла, насколько далеко он готов зайти. — Обидно? — переспросила она с лёгкой насмешливой интонацией. — Мы просто пошутили. Ты что, теперь за каждую шутку будешь нас отчитывать?

— Не отчитывать, — спокойно ответил Егор. — А просить не делать так. Есть шутки, которые бьют не по тебе, а по тем, кто рядом. И если ты этого не видишь, значит, ты просто не хочешь видеть.

Он не стал ждать ответа. Просто прошёл мимо, обойдя стул, который Серёжа так старательно расставлял, будто заранее знал, что там ловушка. Позже, когда он зашёл в учительскую, чтобы взять нужные бумаги, и не нашёл ключей на привычном месте, он только устало вздохнул. Не стал кричать, не стал стучать по столу. Просто тихо произнёс:

— Опять.

Анна Сергеевна, которая сидела за своим столом, подняла глаза и чуть нахмурилась.

— Что-то не так? — спросила она.

Егор посмотрел на неё, будто решая, стоит ли вообще об этом говорить.

Потом покачал головой.

— Всё в порядке, — сказал он спокойно. — Просто... кажется, у нас тут кто-то очень любит прятки.

И, найдя ключи в самом неожиданном месте, он снова вздохнул, но уже не от усталости, а будто от какой-то горькой ясности.

«Они не хотят, чтобы я был здесь, — подумал он. — Но они делают это не потому, что я им не нравлюсь. А потому, что боятся, что я могу им понравиться».

Вечером, когда коридор опустел, а в комнатах начали гаснуть лампы, Егор задержался у окна. Он смотрел во двор, где ещё недавно бегали ребята, и думал о том, что завтра будет новый день. И новые ловушки. И новые колкости.

Но он также знал: если он уйдёт, если отступит, они поймут, что их способ работает. А если останется — может быть, однажды они перестанут прятаться за насмешками и скажут то, что на самом деле болит.

В этот момент из темноты коридора донёсся тихий голос.

— Ты не сдаёшься, да? — это была Алёна. Она стояла чуть поодаль, будто боялась подойти слишком близко. — Даже после всего этого.

Егор повернулся к ней и слабо улыбнулся.

— Не сдаюсь, — тихо ответил он. — Потому что если я сдамся, они решат, что так и надо. Что взрослые всегда уходят, когда становится сложно. Алёна кивнула, будто услышала именно то, что ей нужно было услышать. — Тогда я тоже не сдамся, — сказала она твёрдо. — Я не буду обращать внимания на их слова. И... если хочешь, я могу помогать тебе замечать эти... ну, эти ловушки. Стулья там, верёвки...

Егор снова улыбнулся, на этот раз чуть теплее.

— Спасибо, Алёна, — сказал он. — Мне это правда нужно. Не потому, что я сам не справлюсь. А потому, что... вдвоём замечать проще.

Она кивнула, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на облегчение. А где-то в глубине коридора, в полумраке, мелькнула тень. Алиса стояла у поворота, слушала этот тихий разговор и думала о чём-то своём. Её лицо было непроницаемым, но в глазах читалось что-то новое — не вызов, не насмешка, а скорее растерянность, будто она вдруг увидела то, чего не ожидала.

Потом она медленно развернулась и пошла прочь, тихо, почти бесшумно, как будто хотела, чтобы её никто не заметил.

Но Егор всё равно почувствовал этот взгляд. И знал: это ещё не конец. Это только начало.

Неделя выдалась на удивление тихой. Не той тишиной, когда всё спокойно и хорошо, а такой, когда воздух будто становится гуще, и каждый звук звучит чуть громче обычного. В интернате будто все затаили дыхание — и дети, и взрослые.

Егор ходил по коридорам с насторожённой внимательностью, будто ждал подвоха за каждым поворотом. Но дни шли, а ничего не происходило. Ни натянутых верёвок, ни переставленных стульев, ни едких комментариев в спину. Даже Артём и Серёжа, обычно не упускавшие случая что-нибудь подстроить, теперь держались в стороне, будто сами не знали, как вести себя в этом непривычном спокойствии.

А Алёна... Алёна старалась быть незаметной. Старалась не задерживать взгляд на Егоре, не идти с ним рядом, если можно было свернуть в другой коридор. Но сердце каждый раз подводило: стоило ему появиться в дверях, как оно начинало биться быстрее, а пальцы невольно сжимали края тетради, будто она могла удержать эту внезапную дрожь внутри. Она всё чаще ловила себя на том, что ищет его глазами: не потому, что нужно что-то спросить, а просто чтобы убедиться — он здесь, он никуда не ушёл. И каждый раз, поймав эту мысль, Алёна резко одёргивала себя, отворачивалась и шла прочь, будто могла убежать от собственных чувств. Однажды днём она остановилась в узком углу коридора, где редко кто ходил, и, прижавшись спиной к холодной стене, тихо заговорила сама с собой, будто пыталась убедить своё сердце сдаться:

— Нет! Он воспитатель, он взрослый, а мне всего шестнадцать! Даже если я и признаюсь ему, он не ответит взаимностью, нет! Я не могу влюбиться!

Так надо быть осторожнее! Чтобы ещё сильнее не влюбиться... Голос её звучал тихо, почти шёпотом, но в пустом коридоре слова разносились дальше, чем хотелось.

За другим углом, чуть дальше по коридору, стояла Алиса. Она не подслушивала специально — просто замерла, услышав знакомый голос, и не стала выдавать себя. У неё всегда был очень хороший слух: ещё с детства она научилась улавливать даже самые тихие звуки, будто мир говорил с ней на своём особом языке. И сейчас этот язык шептал ей что-то важное.

Алиса слушала, не шевелясь. В её глазах мелькнуло что-то похожее на понимание — и тут же сменилось холодной решимостью. Она не стала выходить из укрытия, не стала ничего говорить. Вместо этого она просто кивнула своим мыслям, будто заключила какой-то внутренний договор. «Ага, — подумала она про себя. — Значит, вот как. Не я одна тут всё чувствую. Просто кто-то прячет это за дерзостью, а кто-то — за тишиной». И тогда у неё созрел план. Не громкий, не разрушительный, а тихий, как тень. Она решила действовать в одиночку, но не сразу, а маленькими шажками, так, чтобы никто не понял, что это её рука во всём этом.

Дни шли, и затишье становилось почти привычным. Егор понемногу начал расслабляться. Когда Алиса проходила мимо, она даже не смотрела на него — просто слегка наклоняла голову и тихо говорила:

— Здравствуйте.

Сначала он вздрагивал, ожидая подвоха. Потом стал отвечать чуть спокойнее. А потом и вовсе будто для себя решил: «Они поняли».

Успокоились. Может, и правда всё наладилось».

Но он не знал, что это лишь затишье перед чем-то другим.

Однажды Егор зашёл в библиотеку, чтобы найти одну старую книгу — её просили для урока, и он хотел подготовиться заранее. Книга стояла на самой верхней полке, куда даже на цыпочках было не дотянуться. Он уже собирался позвать кого-нибудь на помощь, как вдруг услышал тихий, едва уловимый звук — лёгкий удар, будто кто-то едва коснулся боковой части полки.

И в ту же секунду книга плавно скользнула вниз и упала прямо к его ногам, не раскрывшись, не помявшись — точно туда, куда нужно.

Егор резко обернулся, готовый увидеть чью-то насмешливую улыбку, готовый встретить очередной вызов.

В проходе между стеллажами стояла Алиса. Она смотрела прямо перед собой, будто ничего особенного не произошло.

— Пользуйся лайфхаком, — сказала она спокойно, чуть приподняв бровь. — Там все книги так падают, если знать, куда нажать.

С этими словами она развернулась и пошла прочь, не дожидаясь его реакции, не давая ему шанса ни поблагодарить, ни заподозрить что-то. Егор стоял, глядя ей вслед, и в голове у него крутилось сразу несколько мыслей. «Это она сделала? Специально? Или просто... помогла?» Он поднял книгу, провёл пальцами по потрёпанному корешку и тихо усмехнулся.

— Спасибо, — прошептал он, хотя Алиса уже не могла его слышать.

Тем временем Алёна всё чаще замечала эти маленькие странности. То книга сама «падает» к Егору в руки, то в учительской вдруг оказывается чашка горячего чая именно тогда, когда он заходит усталый, то дверь перед ним будто сама открывается, хотя секунду назад была закрыта. И каждый раз где-то поблизости оказывалась Алиса — не рядом, не слишком близко, но достаточно, чтобы Алёна начала складывать эти кусочки в одну картину.

Однажды вечером, когда сумерки уже легли на коридоры, Алёна поймала Алису в пустом холле у окна.

— Это ты, — тихо сказала она, не обвиняя, а скорее констатируя факт. — Ты помогаешь ему.

Алиса даже не вздрогнула. Она просто посмотрела на Алёну долгим взглядом, будто решала, стоит ли вообще отвечать.

— И что? — наконец произнесла она, чуть пожав плечами. — Он не такой, как остальные. Не кричит. Не давит. Но это не значит, что ему легко. Алёна сжала пальцы в кулаки, пытаясь удержать в себе то, что рвалось наружу.

— Ты... ты делаешь это, чтобы... чтобы он остался? — спросила она чуть дрожащим голосом.

Алиса помолчала. Потом медленно покачала головой.

— Я делаю это, чтобы понять, — сказала она тихо, и в её голосе впервые не было привычной колючести. — Чтобы понять, можно ли ему верить. И чтобы он понял: мы тут не просто «дети», которых нужно воспитывать. Мы живые. И у нас тоже есть чувства. Даже если они... неудобные. Алёна смотрела на неё, будто видела Алису впервые. Не дерзкую, не колючую, а просто девочку, которая боится ошибиться.

— А если он... — Алёна запнулась, не решаясь произнести то, что мучило её каждую ночь. — Если он не сможет... ответить?

Алиса посмотрела на неё прямо, без насмешки.

— Тогда мы будем знать, — спокойно сказала она. — И не будем надеяться зря. Но лучше узнать правду, чем прятаться от неё за обидами.

Они стояли так несколько секунд, две девочки, каждая со своим страхом, и вдруг между ними проскользнуло что-то вроде понимания. Не дружба, не союз, а просто тихое признание: «Я тебя слышу».

Потом Алиса чуть наклонила голову, будто ставя точку в разговоре. — Иди, — сказала она чуть мягче. — Не стой тут. А то ещё подумают, что мы сговариваемся.

Алёна слабо улыбнулась и пошла прочь. А Алиса осталась у окна, глядя, как последние лучи солнца растворяются в вечернем небе.

Где-то в глубине здания хлопнула дверь. По коридору прошагал Егор, проверяя, всё ли в порядке перед отбоем. Он остановился у одного из поворотов, будто прислушиваясь к тишине, и на секунду ему показалось, что эта тишина больше не враждебна. Что она просто ждёт.

Он не знал, что впереди его ждёт ещё много испытаний. Но в тот момент он просто глубоко вдохнул и тихо произнёс:

— Ладно. Я здесь. Я никуда не уйду.

И тишина, казалось, ответила ему шёпотом ветра за окном: «Мы знаем».

Алиса начала действовать не резко, а так, будто сама удивилась этой новой себе — мягкой, почти заботливой. Она вдруг стала чаще оказываться рядом с Алёной: в столовой садилась рядом, в коридоре шла плечом к плечу, в библиотеке будто случайно подсказывала, где лежит нужная книга.

— Ты сегодня такая красивая! — говорила она, чуть склонив голову, будто искренне любовалась. — Ты надела новые вещи? Сегодня ты выглядишь лучше.

Алёне сначала было неловко, потом приятно, потом она начала верить, что Алиса и правда меняется. Что за всей этой колючестью пряталась просто девочка, которой тоже хотелось дружить.

Иногда эти слова звучали и при Егоре. Он слышал, кивал, улыбался вежливо, но в глазах у него мелькала тень беспокойства, будто он чувствовал, что тут что-то не так, но не мог поймать момент.

Параллельно Алиса делала мелкие, почти незаметные пакости. То чуть подставит подножку, так что Алёна едва не спотыкалась, но успевала удержаться. То будто невзначай заденет её локтем в толпе, и это выглядело как случайность. А когда они оставались вдвоём, Алиса за спиной Алёны тихо бросала пару слов Артёму или Соне — так, чтобы Алёна не слышала, но чтобы все вокруг чувствовали эту странную, липкую неловкость.

И постепенно Алёна начала тянуться к ней. Ей хотелось верить, что эта новая Алиса — настоящая.

Однажды вечером, когда в комнате уже темнело, а за окном шумел ветер, Алёна не выдержала. Слова сами вырвались, будто больше не могли прятаться внутри.

— Знаешь... — она опустила глаза, теребя край свитера. — Мне кажется... мне кажется, я... ну, к Егору... я к нему...

Она замолчала, не в силах выговорить до конца. А потом резко подняла глаза на Алису, опасно, будто ждала удара.

Алиса смотрела на неё долго, спокойно. Ни насмешки, ни презрения.

Только мягкая, почти добрая улыбка.

— Я понимаю, — тихо сказала она. — Это тяжело, когда не знаешь, что делать с этими чувствами. Но знаешь... я могу тебе помочь. Могу подсказать, как ему понравиться.

Алёна сглотнула, в её взгляде мелькнули сразу и надежда, и страх.

— Правда? — прошептала она. — А ты не будешь смеяться?

Алиса покачала головой, очень серьёзно.

— Не буду, — пообещала она. — Мы же подруги. Я хочу, чтобы ты была счастлива.

И Алёна поверила. Поверила так сильно, что даже сама испугалась этой веры.

С этого дня Алиса будто взяла шефство над её «ухаживанием» за Егором.

Но делала это так, чтобы всё шло не к сближению, а к позору.

Сначала это были мелочи. Алиса уговаривала Алёну накраситься чуть ярче обычного — «чтобы он точно заметил». Алёна сомневалась, но Алиса так уверенно кивала, так мягко подбадривала, что она сдавалась. И в итоге выходила в коридор с чересчур тёмными тенями и яркой помадой, чувствуя себя нелепой, но думая, что это и есть «взрослый» образ, который должен понравиться.

Потом Алиса «случайно» заметила платье Алёны.

— Слушай, оно такое... обычное, — протянула она с лёгкой грустью. — А ты же хочешь, чтобы он тебя увидел. Давай я тут чуть подправлю? Совсем чуть-чуть.

И прежде чем Алёна успела возразить, Алиса быстрым, ловким движением сделала на подоле платья небольшой, но заметный надрез — ровно такой, чтобы он не бросался в глаза сразу, но чтобы, если присмотреться, становилось ясно: с вещью что-то не так.

— Вот, — сказала она, отступая на шаг и будто оценивая результат. — Теперь оно с изюминкой. Стильно.

А Алёна стояла, не зная, плакать ей или благодарить, потому что Алиса смотрела на неё так искренне, будто действительно хотела помочь. В тот день Алёна почти не выходила из комнаты, пряча подол платья, а когда всё-таки пришлось идти на ужин, она шла, опустив голову, и старалась держаться у стены, чтобы никто не заметил.

Егор, увидев её, сразу нахмурился, будто почувствовал, что что-то не так. — Алёна, ты в порядке? — спросил он, подходя ближе. — Если что-то случилось, скажи.

Она только быстро покачала головой, не в силах поднять глаза.

— Всё хорошо, — пробормотала она. — Просто... устала.

Он посмотрел на неё ещё секунду, будто хотел сказать что-то ещё, но не стал давить.

— Ладно, — тихо произнёс он. — Если потом захочешь поговорить — я здесь.

Когда он ушёл, Алёна почувствовала, как к горлу подступает ком. Ей хотелось одновременно и плакать, и кричать, и спрятаться так, чтобы её никто никогда не нашёл.

А Алиса стояла чуть поодаль, наблюдая за этой сценой. В её глазах не было радости, не было торжества. Только холодная, собранная сосредоточенность человека, который делает то, что считает нужным, даже если это причиняет боль.

Позже, когда они снова оказались вдвоём, Алёна тихо спросила:

— Думаешь... он заметил?

Алиса чуть наклонила голову, будто сочувствуя.

— Наверное, заметил, — мягко сказала она. — Но знаешь, иногда нужно рискнуть, чтобы тебя увидели. Может, это даже хорошо. Теперь он точно знает, что ты стараешься.

Алёна кивнула, хотя внутри у неё всё сжималось от неловкости. Она цеплялась за эти слова, как за соломинку, потому что больше не знала, кому верить.

Но в тот вечер, когда все разошлись по комнатам, и в коридорах стало тихо, Егор не ушёл сразу. Он задержался у окна, глядя на тёмный двор, и думал о том, как странно всё устроено: чем старательнее он пытался не давить, тем сильнее чувствовал, что где-то рядом происходит что-то неправильное.

Он не знал, кто стоит за этими мелкими уколами. Не знал, что план уже пришёл в движение. Но он чувствовал: тишина больше не была затишьем. Она стала паузой перед чем-то большим. И он должен был успеть понять, что именно готовится, прежде чем кто-то по-настоящему пострадает.

Ночь в интернате всегда была особенной: длинные тени ложились на коридоры, шаги звучали глухо, а тишина будто становилась гуще. Именно в эту тишину Алиса и её компания пробирались, как тени, не оставляя следов.

Алиса тихо, почти не дыша, сделала тот самый кадр днём — случайно, будто просто наводила камеру на окно, а в объектив попала Алёна, неловко застывшая рядом с Егором. Алёна смотрела на него снизу вверх, пальцы теребили край свитера, а Егор, ничего не подозревая, что-то спокойно объяснял, чуть наклонившись к ней. На фото всё выглядело так, будто между ними есть то, чего на самом деле не было, — напряжённость, неловкость, притяжение. В общем, идеальный материал для позора. Ночью Алиса, Соня, Артём, Кирилл, Серёжа и Карина работали как слаженная команда. Соня держала фонарик, прикрывая свет ладонью, чтобы не выдать их. Артём и Кирилл бегали по коридорам, развешивая распечатанные снимки. Серёжа следил за тем, чтобы никто из воспитателей не вышел в холл. Карина стояла на стрёме у лестницы, готовая в любой момент подать сигнал. А Алиса... Алиса проверяла каждый снимок, убеждаясь, что подпись «Пара года» видна чётко, дерзко, обидно. К утру фотографии висели

повсюду: на доске объявлений у входа, на стенах коридоров, даже на шкафчиках в раздевалке. Кто-то приклеил один снимок прямо над зеркалом в туалете, будто специально, чтобы Алёна увидела его первой.

Когда Алёна вышла из комнаты, она сначала ничего не заметила. Но уже через несколько шагов по коридору до неё начали доноситься смешки, перешёптывания, чьи-то слишком громкие «ой» и «смотри-ка». Она остановилась, не понимая, что происходит, и тут её взгляд упал на стену. На фото она выглядела нелепой, смешной, уязвимой. А подпись будто кричала на весь интернат: «Пара года».

Алёна почувствовала, как кровь приливает к лицу, как мир вокруг становится слишком громким и слишком ярким. Ей хотелось провалиться сквозь пол, исчезнуть, стать невидимой. Она прижала ладони к горящим щекам и замерла, не зная, куда бежать.

И тут рядом появилась Алиса. Она подошла к Алёне, будто только что всё это увидела, и в её глазах было такое искреннее, такое наигранное удивление, что на секунду даже сама Алёна почти поверила.

— Алёна! — воскликнула Алиса, схватив её за руку. — Кто это сделал?! Это же ужасно! Не слушай их, ладно? Это просто чья-то злая шутка. Ты не должна из-за этого расстраиваться.

Она обняла Алёну за плечи, прижимая к себе, будто хотела защитить от всех этих взглядов и шёпотов. Но в этом объятии не было настоящей теплоты — только холодный расчёт.

Алёне хотелось оттолкнуть её, закричать: «Это ты! Я знаю, что это ты!», но вместо этого она уткнулась Алисе в плечо и заплакала. Потому что сил не осталось. Потому что стыдно было до слёз.

Егор увидел первую фотографию ещё до завтрака. Она висела прямо у выхода из учительской, и взгляд Алёны на снимке ударил по нему сильнее, чем любая насмешка. Он сразу понял, чьих это рук дело. Не потому, что у него были доказательства, — их не было. А потому, что он уже знал эту логику: делать больно, а потом изображать заботу, чтобы жертва окончательно запуталась.

Он сжал кулаки, чувствуя, как внутри поднимается волна гнева. Ему хотелось сорвать все эти снимки, собрать всех виновных и заставить их посмотреть в глаза Алёне. Но он остановился. Потому что знал: если он сейчас начнёт обвинять, кричать, требовать признаний, он сделает ровно то, чего они и ждут. Он станет тем самым взрослым, который давит, который не даёт права на ошибку.

«Не пойман — не вор», — повторил он про себя, словно мантру. Но это не значило, что он ничего не будет делать. Это значило, что он пойдёт другим путём.

Он сорвал фотографию со стены, аккуратно сложил её и убрал в карман. Потом прошёл по коридору, срывая остальные снимки. Не грубо, не швыряя их на пол, а спокойно, будто просто убирал мусор. И когда кто-то из ребят хихикнул, он остановился и посмотрел на них не с яростью, а с такой тихой твёрдостью, что смех оборвался сам собой.

— Если вам кажется, что это смешно, — тихо, но отчётливо произнёс он, — подумайте, каково сейчас Алёне. И если у вас есть хоть капля совести, прекратите.

Ребята переглянулись, опустили глаза, кто-то даже сделал шаг назад, будто хотел спрятаться от этого спокойного, но не терпящего возражений взгляда.

В столовой Алёна почти не поднимала глаз. Она сидела, сжавшись в комок, и старалась есть как можно быстрее, чтобы поскорее уйти. Алиса сидела рядом, будто ни в чём не бывало, и время от времени шептала:

— Не переживай. Скоро все забудут. Это просто один день. Всё пройдёт. Но Алёна уже не верила этим словам. Что-то внутри неё надломилось. Она вдруг поняла, что эта показная забота режет даже больнее, чем насмешки. Егор подошёл к их столу, когда завтрак почти закончился. Он не сел, не пытался устроить публичное утешение. Просто остановился рядом и тихо сказал:

— Алёна, когда будешь готова, приходи в библиотеку. Там тихо. Если хочешь просто посидеть, если хочешь поговорить — я буду там. Не как воспитатель. Просто как тот, кто понимает, что сейчас тебе тяжело. Алёна подняла на него глаза, полные слёз, и кивнула, не в силах ничего сказать.

Алиса наблюдала за этой сценой, чуть прищурившись. Её маска заботливой подруги не дрогнула, но внутри что-то шевельнулось — то ли раздражение, то ли неожиданная обида, будто её идеальный план вдруг дал трещину.

Когда Егор ушёл, Алиса наклонилась к Алёне и прошептала:

— Видишь? Он к тебе добр. Просто... все иногда делают глупости. И я тоже.

Прости, если я вчера что-то не то сказала.

Но Алёна больше не слушала. Она встала из-за стола, тихо пробормотала: «Мне надо побыть одной», — и вышла, оставив Алису сидеть с этой фальшивой улыбкой, которая теперь выглядела жалкой.

В библиотеке было тихо. Пылинки кружились в лучах утреннего солнца, пахло старыми книгами и спокойствием. Егор сидел за столом, листая какой-то журнал, но на самом деле просто ждал.

Алёна появилась в дверях, будто боялась войти, будто думала, что и здесь над ней будут смеяться.

— Можно? — прошептала она.

Егор тут же отложил журнал и улыбнулся — не широко, не навязчиво, а так, чтобы она почувствовала: здесь безопасно.

— Конечно, — тихо сказал он. — Садись. Хочешь, мы вообще ничего не будем говорить. Просто посидим. Или, если хочешь, расскажешь, что накипело.

Алёна села на край стула, сжимая и разжимая пальцы, и вдруг, к собственному удивлению, начала говорить. Сначала шёпотом, потом чуть громче. Про то, как ей стыдно. Про то, как она хотела понравиться. Про то, как поверила Алисе.

Егор слушал, не перебивая, не осуждая. И когда она наконец замолчала, он тихо произнёс:

— Знаешь, самое трудное — это когда тебе делают больно те, кому ты доверился. Это действительно больно. И ты имеешь право злиться. Имеешь право плакать. Но ты не заслужила того, что с тобой сделали сегодня. Никто не заслуживает такого.

Алёна посмотрела на него, и в её взгляде было столько благодарности, что Егору стало чуть неловко.

— Спасибо, — прошептала она. — За то, что не говоришь «всё нормально» и не заставляешь делать вид, что мне не больно.

Егор чуть наклонил голову.

— Потому что тебе больно, — спокойно сказал он. — И это нормально — не притворяться, что всё хорошо, когда это не так.

За окном солнце поднималось всё выше, разгоняя тени. Где-то в коридоре снова звенели голоса, кто-то смеялся, но теперь этот смех уже не казался Алёне таким страшным.

А в другом конце здания Алиса стояла у окна, глядя на пустой двор. Она сжимала в руках ещё одну нераспечатанную фотографию — запасной вариант, который теперь казался ей ненужным.

План, который казался таким безупречным, вдруг начал рассыпаться. И Алиса впервые задумалась: а что, если она не просто защищалась, а делала то, что когда-то делали с ней? Что, если эта броня из насмешек и колкостей не защищает, а ранит?

Она медленно разорвала фотографию на мелкие кусочки и бросила их в мусорное ведро. Не потому, что ей стало стыдно. А потому, что вдруг поняла: есть вещи, которые нельзя исправить просто словами «я не хотела».

И теперь ей предстояло решить, что делать дальше.

В тот день Артём и Соня сидели на подоконнике в дальнем коридоре — там, где редко ходили воспитатели, и можно было шептаться, не боясь, что подслушают.

— А давай сделаем так, чтобы наша плакса начала ревновать, — лениво протянул Артём, болтая ногой.

Соня приподняла бровь.

— К кому?

Артём ухмыльнулся.

— К Алисе. Ну, прикинь: они будут проходить рядом, а мы так слегка, будто случайно, будем толкать Алису к Егору. Чуть-чуть. Так, чтобы выглядело как нелепая случайность.

Соня хихикнула, но тут же нахмурилась.

— Идея хорошая, но что, если Алисе это не понравится? Она же потом нам головы открутит.

Артём фыркнул.

— А кто сказал, что мы будем ей что-то говорить? Нравится ей или нет — её проблемы. Она всегда за подобное скоро сама втянется. Будет делать вид, что ей всё равно, а сама начнёт подыгрывать, чтобы не выглядеть слабой.

Соня задумалась, потом кивнула.

— Ладно. Только давай без фанатизма. А то она реально разозлится.

Но «без фанатизма» не получилось.

На следующий день всё пошло по плану... до одного момента.

Алиса шла по коридору, прямая, будто проглотила линейку, и смотрела строго перед собой. Егор как раз выходил из учительской, и их пути должны были пересечься. Артём и Соня замерли в стороне, готовые сыграть свою роль.

В нужный момент Соня сделала шаг вперёд и слегка толкнула Алису. Только «слегка» не вышло: нога соскользнула, толчок получился сильнее, чем она рассчитывала. Алиса, не успев среагировать, покачнулась, сделала неловкий шаг назад — и оступилась на небольшой крутой лесенке, которая вела к подсобке.

Она полетела вниз, но не упала — Егор успел подхватить её, поймав в объятия. На секунду всё замерло: коридор, шаги, даже дыхание. Алиса оказалась прижата к нему, растерянная, с широко раскрытыми глазами, в которых на миг мелькнуло что-то совсем не дерзкое — просто испуг и удивление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.